

А. Г. Иценко¹, М. А. Король²

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Министерство образования Республики Беларусь, ул. Войкова, 21, 225404,
Барановичи, Республика Беларусь,
¹+375 (29) 246 27 56, alex_its81@mail.ru , ²diasbas12@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ Г. ОЛПОРТА – ДЖ. РОССА И ЕЁ КРИТИКА

В статье рассматриваются концептуальные построения религиозности Г. У. Олпорта и Дж. М. Росса, прежде всего их методологические наработки в области исследования религиозной ориентации. Авторы отмечают, что на определенном этапе развития психологии религии данный подход, дифференцирующий религиозность на «внутреннюю» и «внешнюю», оправдывал себя, давая инструментально-методологическую возможность изучения религиозности. Однако, при этом, многими психологами (Л. А. Киркпатрик, Р. В. Худ и др.) этот подход критиковался за чрезмерный редуционизм феномена личной религиозности, а также неоднозначность и неопределенность понятийно-категориального аппарата.

Ключевые слова: психология религии, индивидуальная религиозность, «внутренняя религиозность», «внешняя религиозность», Гордон Олпорт, Джон Росс.

A. G. Itsenko, M. A. Korol

Baranovichi State University, Ministry of Education of the Republic of Belarus,
21 Voykova Str., 225404 Baranovichi, the Republic of Belarus,
¹+375 (29) 246 27 56, alex_its81@mail.ru , ²diasbas12@yandex.ru

PSYCHOLOGICAL CONCEPT OF THE RELIGIOUSNESS OF G. ALPORT – J. ROSS AND ITS CRITICISM

The article discusses the conceptual constructs of religiosity by G. W. Allport and J. M. Ross, primarily their methodological developments in the field of religious orientation research. The authors note that at a certain stage in the development of the psychology of religion, this approach, which differentiates religiosity into “internal” and “external,” justified itself, giving an instrumental and methodological opportunity to study religiosity. However, at the same time, many psychologists (L. A. Kirkpatrick, R. W. Hood and others) criticized this approach for the excessive reductionism of the phenomenon of personal religiosity, as well as the ambiguity and uncertainty of the conceptual-categorical apparatus.

Keywords: psychology of religion, individual religiosity, “internal religiosity”, “external religiosity”, Gordon Allport, John Ross.

Развитие мировой цивилизации и отечественной социокультурной ситуации, кардинальные перемены, происходящие в мире, приводят к возрастанию в жизни людей роли религиозно-духовного аспекта. В период с 90-х годов XX века вследствие послабления, а потом и полной элиминации тотальной атеистической идеологии, имевшей место в эпоху существования СССР, мы наблюдаем рост количества религиозных общин традиционных для Беларуси конфессий (православие, католицизм, протестантизм и т. д.), начинают функционировать другие религиозные течения, представляющие различные нетрадиционные вероисповедания (Свидетели Иеговы, Бахаи, кришнаиты и т. д.). И хотя динамика роста конфессиональных институций с 2000-х годов несколько приостановилась, присутствие религии в социальном пространстве не только Беларуси, но и мира в целом остается достаточно высоким. Но если с институциональной стороны исследователям проще осуществить замеры (социология религии с этим в целом справляется), а потом и анализ, то провести исчерпывающее эмпирическое исследование личностной религиозности намного сложнее, в силу, прежде всего, недостаточной разработанности методологических оснований и методического инструментария.

На Западе изучение религии активно развивалось, привлекая к себе внимание исследователей разных школ, направлений теоретической и прикладной психологии.

Религия и духовность считались естественной составляющей жизни отдельного человека и общества в целом, как один из базовых социальных институтов. Одной из проблем в изучении религии в целом и религиозности в частности была разработка максимально валидных методик для замеров уровней и степеней религиозности. Попытки разработок методик, которые бы релевантно отображали религиозные ориентации личности носителя религиозного мировоззрения предпринимались как на Западе (Тест «Инспирит» Дж. Касса, шкалы религиозной ориентации П. Хилла, К. Гирца, Д. Фолкнер и Г. ДеЙонга), так и в пространстве русскоязычного религиоведческого поля (Анкета религиозных ориентаций И. М. Богдановской, Тест для определения структуры индивидуальной религиозности Ю. В. Щербатых, «Методика измерения религиозной активности» Д. О. Смирнова, опросник «Смысло-мотивационная ориентация в религии» Л. Н. Грошевой, Ю. П. Тобалова). Среди указанных методик особого внимания заслуживает и затрагиваемая нами Шкала религиозной ориентации Г. Олпорта и Дж. Росса.

О методологических проблемах религиоведения (одного из его кроссдисциплинарных / интердисциплинарных направлений «Психологии религии») писали и исследователи русскоязычного исследовательского сегмента, в частности представители российского (А. М. Двойнин, О. К. Михельсон, Д. М. Чумакова, Т. В. Малевич, Е. В. Орёл и др.[1]) и белорусского (С. Г. Карасёва, Е. В. Шкурова, С. И. Шатравский [2]) религиоведения.

Гордона Уилларда Олпорта (1897-1967), известного исследователя в области психологии личности [4, 5] заинтересовал религиозный опыт и феномен религиозности в рамках, прежде всего, функционального подхода, обоснованного развиваемого еще американским представителем философии прагматизма У. Джеймсом. Нередко Олпорта, и, следует сказать, небезосновательно, считают начинателем современной психологии религии на Западе. Так, в своих работах Олпорт рассматривает различные проявления религиозности и её особенности. Наиболее цитируемой статьей в рамках тематики «внутренней» и «внешней» религиозности является знаковая работа Г. Олпорта, написанная в соавторстве с социальным психологом Джорджем Майклом Россом «Религиозная ориентация личности и предрассудки» («Personal Religious Orientation and Prejudice»), написанной в 1967 году [5].

По существу, несколько упрощая, можно сказать, что в основании данного подхода лежал принцип отношения религиозной личности к собственно религиозности / религиозной вере либо как к цели («внутренняя религиозность»), либо как средству («внешняя религиозность»). Как указывалось в данной статье, люди с внешней («extrinsic») религиозной ориентацией склонны использовать религию для своих целей. Они могут считать религию полезной по разным причинам: как источник уверенности и утешения, общения и развлечений, статуса и самооправдания. Свою веру они принимают не особо всерьез или же выборочно кроют под себя и более важные свои интересы. У людей с внутренней («intrinsic») ориентацией религия — основной мотив. Другие потребности, хотя бы и сильные, они считают в конечном счете менее важными и пытаются приводить их к согласию с религиозными убеждениями и предписаниями. Свою веру они пытаются усвоить и полностью ей следовать. Именно в этом смысле они «живут» религией [5, с. 342-343]. Как видим, налицо, конечно же не прямые инфильтрации, однако отчетливая перекличка с идеями фрейдомарксистского психолога Э. Фромма, описанными позже в его работе «Иметь или быть» (1976).

Концептуализация Г. Олпортом «внешней» и «внутренней» религиозности является одной из основных в эмпирических исследованиях по психологии религии, с определенными оговорками и коррекцией вплоть до сегодняшнего дня [3, с. 364]. С точки зрения М. Донахью, «ни один другой подход к религиозности не имел более весомого влияния на эмпирическую психологию религии» [3, с. 365]. Эмпирическое

измерение внешней и внутренней религиозности было изложено в работах В. Уилсона и Дж. Фегина.

Однако, несмотря на признание значимости работы Олпорта и Росса, она, как и концепция в целом, подверглась серьезной и достаточно обоснованной критике. Так, Р. Хант и М. Кинг уже в 1971 году считали, что такая концептуальная схема теряет свою практическую значимость.

Одной из проблем указанной концепции религиозности Л. Киркпатрик и Р. Худ считают, прежде всего, неудачные дефиниции, мешающие проведению и проверке гипотез в эмпирическом исследовании, приводящие к сложностям определения конструктивной валидности шкал. В первую очередь это низкий уровень определенности таких важнейших, возможно даже базовых терминов как внешняя-внутренняя «религиозная ориентация», внешняя-внутренняя «религиозность», внешняя-внутренняя «религия». Сам Олпорт использовал понятие «религиозная ориентация» в разных значениях. Р. Хант и М. Кинг, проанализировав работы Олпорта, сделали вывод, что под определением «религиозная ориентация» у Олпорта подразумевается два типа мотивации, связанные с религиозной верой или практикой. В целом, указанные исследователи упрекают Олпорта и Росса в «недостатке теоретической ясности» [3, с. 367, 370]. В то же время, Хант и Кинг отметили, что в работе Олпорта и Росса внутренняя религиозность принимает образ личностной переменной, а также когнитивного стиля.

При изучении пунктов Шкалы религиозных ориентации Р. Горсук назвал её утверждения «винегретом» из мнений, верований и ценностей. Основа его критики – это тот факт, что внутренне ориентированные вопросы, которые показывают сравнительно высокие корреляции и имеют тенденцию к «совпадению» в факторных анализах, само по себе не является основанием для объединения вопросов в значимую шкалу [3, с. 369].

Еще более неоднозначным является определение понятий «внутренний» и «внешний» (можно сказать, что дефинитивный аспект является самым уязвимым в концепции Олпорта-Росса). Р. Хант и М. Кинг сделали вывод, что в работах Г. Олпорта ««внутреннее» измерение плохо определено из-за множества разнообразных значений», а «внешнее» «более четко и определено как инструментальная / эгоистичная мотивация к участию в религиозной жизни». Хантом и Кингом был проведен факторный анализ, результат которого в следующем: многие элементы шкалы внешней религиозности объединились в шкалу внешней мотивации, но пункты внутренней религиозности не формировали единого фактора, а были разбросаны по нескольким другим факторам. Из чего можно сделать вывод, что утверждения шкалы внутренней религиозности «касаются множества аспектов религиозности» [3, с. 370-371].

Л. Киркпатриком также был проведен анализ шкал Олпорта-Росса. В ходе анализа факторов внешней религиозности Киркпатрик выделил внешне-социальный и внешне-личностный факторы. Тогда, первый фактор включает в себя использование религии для достижения социальной выгоды, второй - для достижения комфорта, безопасности. Еще одно не менее значимое открытие заключалась в том, что некоторые элементы шкалы внешней религиозности не имели нагрузку по внешним факторам, но вместо этого были негативно нагружены по фактору внутренней религиозности. Вопросы представляли собой негативно сформулированные или обратно перефразированные вопросы внутренней шкалы.

С. Макфарланд выделил данные утверждения в отдельную внутреннюю шкалу и назвал ее «религиозной серьезностью» [3, с. 371]. А также обнаружил, что внешне-социальные и внешне-личностные факторы коррелируют с дискриминацией в отношении тех или иных групп.

Помимо Киркпатрика схожие результаты факторного анализа были получены и другими учеными, такими как Д. Ходж, Х. Амон, М. Йела.

Описанные выше результаты позволяют сделать ряд выводов: 1) несмотря на исследования М. Кинга и Р. Ханта, элементы внутренней шкалы имели тенденцию к

формированию общего фактора, так как пункты внутренней шкалы коррелируют друг с другом гораздо сильнее и тем самым образуют единый фактор; 2) внешняя шкала включает в себя более чем один тип внешней «мотивации» для участия в религиозной жизни. Тогда можно предположить, что в шкалах Г. Олпорта речь идет о двух видах мотивации: социальная выгода и личный комфорт [3, с. 372-373].

В связи с этим встает вопрос: что измеряет внутренняя шкала? На этот вопрос нет однозначного ответа. Так, С. Бэтсон и В. Вентис утверждали, что она измеряет религиозную ориентацию, отличающуюся «целеустремленностью», употреблялись такие крайние термины как «упертость» и даже «догматическая ортодоксальность». По Бэтсону, данная шкала отвечает на запрос измерения «вопрошания» (в английском оригинале стоит термин «quest»), что «поможет выявить «зрелость» религии». М. Донахью считал, что сомнения менее важны в понимании зрелой религии, однако вышеупомянутый Худ продолжал утверждать, что «сомнения являются важной частью концептуализации религиозности у Олпорта» [3, с. 373-374].

Р. Горсук, С. Макфарланд, равно как и М. Донахью, проводили исследования, которые показывают, что каковы бы ни были другие психометрические и теоретические свойства, на эмпирическом уровне внутренняя шкала ведет себя как показатель «религиозной приверженности» [3, с. 373-374].

В таком случае, если «религиозная приверженность» это то, на что направлено измерение, то шкалы необходимо в значительной степени изменить, так как вероятно, что некоторые пункты не имеют прямого отношения к понятию «приверженность» [3, с. 374].

Помимо поиска ответа на вопрос объекта измерения внутренней шкалой, открытым остается не менее важный вопрос о внешней шкале. Хант и Кинг уверены, что «она измеряет эгоистическую / прагматическую мотивацию к участию в религиозной жизни». Упомянутые выше выделенные Киркпатриком два внешних фактора можно рассматривать как психометрический недостаток шкал, так как два отдельных фактора внешней шкалы не предполагались Олпортом. Но при этом, если мотивация является важнейшим конструктом, по мнению Киркпатрика и Худа, то начинать нужно с «всесторонней психологической теории мотивации человека, а не психометрической ошибки». И в таком случае это уже не будет являться [3, с. 375].

Проделав скрупулёзный анализ «внутренней» религиозности, как отдельного измерения шкалы, Киркпатрик и Худ приходят к выводу, что оно «не имеет чёткого определения ни концептуально, ни эмпирически», что достаточно подрывает подход Олпорта-Росса. При этом критики также отмечают и положительную сторону: «внутреннее» измерение все-таки «позволяет измерить теоретически несовершенный конструкт «религиозной приверженности» (religious commitment)» (как указывают Е. Медведева и К. Колкунова, данную лексему можно также перевести также и как «религиозная преданность», «религиозная идейность») [3, с. 375].

После рассмотренных взглядов на «внутреннюю» и «внешнюю» шкалы встает несправедливый вопрос собственно о соотношении этих шкал: являются ли они «противоположными сторонами одного континуума или двумя независимыми величинами?». Дж. Олпорт считал, что это «биполярные противоположности». Факторный анализ Фегина свидетельствует об ортогональности внутренней и внешней шкалы [3, с. 376-377].

Киркпатрик и Худ отмечают, что одной из заслуг Олпорта и Росса является введение в научный оборот понятийного конструкта «непоследовательной прорелигиозности», означающее, что опрашиваемые систематически поддерживали вопросы ориентированные как на «внутреннюю», так и «внешнюю» религиозность. Однако, сложность ситуации в том, что здесь невозможна четкая, непротиворечивая интерпретация и наличие альтернативных интерпретаций, также присутствует проблема неоднозначной операционализации, что также размывает конкретность и является

банальным нарушением логического закона тождества. В таком случае, отмечают Киркпатрик и Худ, этот терминологический конструкт («непоследовательная прорелигиозность») может быть рассмотрен как «третий тип религиозной ориентации», на подобии андрогинности в психополоролевой ориентации. Но тогда возникает проблема семантического соотношения данного типа религиозности с двумя базовыми («внутренний», «внешний») [3, с. 378]. Нам представляется, что данный упрек Киркпатрика и Худа является крайне важным, поскольку если принять за данность наличие «третьей ориентации», то рухнет внутренняя логика всей архитектуры концепции Олпорта-Росса.

Олпорт и Росс определили «непоследовательную прорелигиозность» как склонность к «определенному набору ответов или когнитивный стиль». Но такое определение имеет недостатки, поскольку не совсем соотносится собственно с религиозностью в целом в рамках «третьей ориентации». Киркпатрик и Худ полагают, что такая позиция в чем-то схожа с категорией «догматизма» небезызвестного М. Рокича. При этом, по мнению Олпорта и Росса, эта переменная отличается качественно от двух стандартных в их шкале, что Киркпатрик и Худ расценили как «весьма неаккуратной рамкой» [3, с. 379].

Ученые отмечают, что попытки создать шкалу для определения непоследовательной религиозности были у К. Паргамента вместе с другими исследователями, с которыми он работал в рамках решения этой проблемы. При этом, во-первых, они постарались изъять данную шкалу из поля внутренне-внешней ориентации, а, во-вторых, как указывают Киркпатрик и Худ (в сущности, соглашаясь с подходом К. Паргамента и соавторов, хоть и отдавая отчет в нерешенности проблемы т.н. респондентов «middle heads»), их шкала приобрела вектор направленности в сторону измерения «социальной желательности набора ответов, касающихся религии» [3, с. 380].

Киркпатрик провел анализ внутренней-внешней шкал и проблему «непоследовательной прорелигиозности». Он выявил, что внешне-личностные и внешне-социальные пункты не коррелировали с «внутренней» шкалой, но при этом некоторые «остаточные» пункты сильно коррелировали с «внутренней» шкалой и оказывали влияние на пункты внутренней шкалы в факторном анализе. Таким образом, для него становится очевиден психометрический недостаток: отрицательная корреляция между внутренней и внешней шкалой напрямую связана с «неправильным помещением обратных внутренних пунктов на внешней шкале» [3, с. 383-384].

С точки зрения Олпорта, люди, которые положительно отвечали на «остаточные» пункты внешней и внутренней шкал, с точки зрения логики противоречили сами себе. Однако Р. Экемендия и К. Паргамент заявляли, что, возможно, никакого противоречия нет, так как люди с «высокими показателями по двум шкалам могут одновременно «жить» религией и «использовать» её [3, с. 384-385].

Киркпатрик и Худ спешат также отметить еще и тот факт, что исследования К. Кеннеди и Р. Горсука, в которых показатели внутренней шкалы, внешне-социальный и внешне-личностный факторы, состоящие из одного утверждения, дали следующий результат: данные внешне-социальных и внешне-личностных факторов были «взаимно ортогональны», а внутренней и внешне-личностной имели положительную корреляцию. Такие показатели вносят затруднения как для двухфакторной теории, так и для биполярной формулировки Олпорта [3, с. 385].

Самым популярным решением стало деление двух шкал на две категории – «высокая» и «низкая». А затем создание четырехзначной типологии, что вызывает ряд проблем, среди которых фундаментальная проблема «типов», противопоставленных континуумным измерениям. Нет эмпирических свидетельств в пользу религиозной ориентации как «истинной» переменной класса, но также нет подтверждений существования внутренней и внешней шкалы как типов. Как следствие, исследователи используют типы с той целью, чтобы применить дисперсионный анализ для оценки

возможностей между внутренней и внешней шкалами. Но в таком случае происходит потеря большого числа информации, а также устранение возможности возникновения криволинейных связей между внутренней и внешней шкалой и другими переменными.

Как отмечают Киркпатрик и Худ, значимой проблемой для исследований в области психологии религии является отбор популяций, а в дальнейшем – выборки. Проблема заключается в том, что шкалу религиозных ориентаций сложно применить к нерелигиозным людям, так как пункты, в которых, к примеру, упоминаются причины посещения церкви, смысле молитвы, заранее предполагают, что опрашиваемый это делает. М. Донахью считает, что нужно создать версию внутренней-внешней шкалы, которая бы подходила и для нерелигиозных испытуемых тоже, что, соответственно, существенно поднимет валидность и уровень достоверности результатов исследования [3, с. 388-389].

По мнению Киркпатрика и Худа, «способом концептуализации религиозной ориентации» может также стать ограничение применения, то есть только для религиозных людей. Поскольку, по определению, отмечают указанные исследователи, «нельзя быть внешне и внутренне ориентированным по отношению к религии, если человек изначально не религиозен» [3, с. 389].

Еще одной проблемой является аксиологический и этический аспекты исследования, принадлежность шкал к делению на «хорошую» и «плохую» религию. И в этом сложность чисто методологического порядка. Дж. Диттес связывает это с тем, что авторы были обеспокоены «чистотой религии», а не ее чистой концепции. Эта проблема оказывает угрозу принципам научной деятельности, что может выражаться в предвзятости ученых и распространением ее на их теории, интерпретации данных. П. Бенсон предложил альтернативную концептуализацию, описывающую религиозность разными способами: «хранящую индивидуальность», противопоставленную «строящей общину»; личную, противопоставленную общинной; горизонтальную, противопоставленную вертикальной. Данная модель могла бы быть перспективной в части ухода от методологической аберрации ««плохой-хорошей» религии к более сложному, динамическому и эвристически более полезному подходу, к индивидуальным различиям в религиозной вере и поведении» [3, с. 391-393].

При всех выше описанных проблемах данная модель принесла большую пользу в виде многочисленных исследований, которые построены на данной модели. По мнению Горсук, внутренние и внешние шкалы являются «самыми эмпирически эффективными определениями религии». М. Донахью считал, что большое число исследований с использованием Шкалы религиозных ориентаций сделали ее «одним из самым используемых показателей религиозности». По мнению же Киркпатрика и Худа, внутренне-внешняя шкала скорее «представляла проблему, чем часть решения». Также исследователи отмечают, что существование парадигмы внешней и внутренней религиозности породило ложное чувство уверенности в теоретической значимости у некоторых авторов в направлениях их деятельности. Необходимым, как считает К. Паргамент, является использование функционального подхода, в который включены типология средств, которые религия может предложить людям в различных контекстах [3, с. 395-397].

Л. Киркпатрик выделил три возможные перспективы для исследователей внутренней и внешней религиозной ориентации. Так, первая – это приведение теории внешней-внутренней религиозности в соответствие с трехмерным решением факторного анализа и разработка более сложных инструментов для измерения внешне-личных и внешне-социальных факторов как отдельных величин. Но в таком случае есть риск отказа от теории в связи с поведением плохо составленной шкалы. Следующая перспектива – это создать новые анкеты. Такая анкета должна быть выстроена для создания четко выраженной теоретической модели, вне зависимости от количества включенных факторов. Последняя перспектива заключается в «переформулировке всего

теоретического подхода и рассмотрении альтернативных моделей для изучения религиозной мотивации, веры и поведения» [3, с. 397-398].

Таким образом, как было показано на примере работ Л. Киркпатрика и Р. Худа, несмотря на очевидность заслуг Г. Олпорта и Дж. Росса в изучении религиозной ориентации, их методологический подход подвергался острой, но конструктивной критике огромного количества исследователей. Среди таких критических замечаний указываются неудачные дефиниции, мешающие проведению и проверке гипотез в эмпирическом исследовании, приводящие к сложностям определения конструктивной валидности шкал (например, внешне-внутренняя «религиозная ориентация», «религиозность», «религия»). Критике подверглись утверждения шкал религиозных ориентаций.

Оппонентами Олпорта-Росса предлагались понятия «внешне-социального» и «внешне-личностного» факторов; выдвигались альтернативные интерпретации показателя «религиозной приверженности», «непосредственной прорелигиозности» (представители, систематически поддерживающие как «внутренние», так и «внешне» ориентированные вопросы). Много неоднозначных мнений у исследователей вызывало соотношение внутренней и внешней шкалы: являются ли они противоположными сторонами одного континуума или двумя независимыми величинами?

Проблемным местом также выступали такие категории как отбор исследовательской популяции и выборки, а также метатеоретические проблемы оценочной нагруженности теоретико-концептуальных конструктов. Среди альтернатив предлагались: приведение теории внешней-внутренней религиозности в соответствие с трехмерным решением факторного анализа и разработка более сложных инструментов для измерения внешне-личных и внешне-социальных факторов как отдельных величин; разработка новых анкет, а также переформулировке всего теоретического подхода и рассмотрении альтернативных моделей, при указании рисков.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, по мнению Л. Киркпатрика и Р. Худа, с выводами которых сложно не согласиться, методологическая проблема психологии религии лежит не столько в отсутствии релевантного методического инструментария, хотя и это тоже, сколько в отсутствии «сильной теории», то есть того теоретико-концептуального базиса, методологического пространства, опираясь на который можно было бы «мотивировать и направлять» психолого-религиоведческие исследования, операционализировать систему понятий и категорий, адекватно интерпретировать полученные результаты.

Список цитируемых источников

1. Двойнин, А. М. Психология религии в постсоветской России (С 2000-х гг. по настоящее время) / А. М. Двойнин // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2018. — Вып. 77. — С. 118-135; Чумакова, Д. М. Психология религиозности личности: учебное пособие. — Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. — 84 с.; Чумакова, Д. М. Некоторые психометрические характеристики шкалы диагностики религиозности личности // Современная психодиагностика в период инноваций : сб. тезисов II Всероссийской научной конфер. / отв. ред. Н. А. Батулин. — Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2010. — С. 166-167; Михельсон, О. К. Подходы к изучению религии в современной эволюционной психологии / О. К. Михельсон // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2013. — Т. 31. — № 3. — С. 63-76; Психология религии: между теорией и эмпирикой : Сб. научных статей / Ред.-сост.: К. М. Антонов, Т. В. Малевич, Т. В. Фолиева [и др.]. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2015. — 188 с.
2. Карасева, С. Г. Характеристики вовлеченности населения Беларуси в религию: мировоззренческий аспект / С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова, С. И. Шатравский // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2017. — Вып. 70. — С. 85-109; Карасева, С. Г. Значимость религии в белорусском обществе: оценка верующих / С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова, С. И. Шатравский // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 2. — С. 49-70.
3. Киркпатрик, Л. А. Внутренняя и внешняя религиозная ориентация: благословение или проклятие современной психологии религии? / Л. А. Киркпатрик, Р. В. Худ; пер. с англ. яз. Е. Н. Медведевой, К. А. Колкуновой // Современная западная психология религии: Хрестоматия / под. ред. К. М. Антонова, К. А. Колкуновой. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2017. — С. 364-399.

4. Олпорт, Г. У. Становление личности. Избранные труды / Г. У. Олпорт; пер. с англ. Л. В. Трубицкой, Д. А. Леонтьева. — М. : Смысл, 2002. — 462 с.
5. Олпорт, Г. У. Религиозная ориентация личности и предрассудки / Г. У. Олпорт, М. Дж. Росс; пер. с англ. яз. Е. Н. Медведевой, К. А. Колкуновой // Современная западная психология религии: Хрестоматия / под. ред. К. М. Антонова, К. А. Колкуновой. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2017. — С. 336-363.